

В. В. РОЗАНОВ

Когда начальство ушло... 1905—1906 гг.

ГАМЛЕТ В РОЛИ АДМИНИСТРАТОРА

«Бедный Йорик!»

Гамлет

Характеристика демократического и освободительного движения, сделанная К. П. Победоносцевым в английском журнале «The Cosmopolitan», заставила нас вспомнить о прекраснейшем критическом этюде И. С. Тургенева — «Гамлет и Дон-Кихот». «Гамлеты рассуждают, а Дон-Кихоты действуют», писал знаменитый романист. Два эти типа — мировые. И каждый из нас принадлежит, бледно или ярко, к одному из них.

К которому принадлежал К. П. Победоносцев? Уже по тому, сколько он писал и пишет даже до сих пор, можно ответить сразу же, что он принадлежал к типу Гамлетов. Великий политик Фридрих II Прусский сказал когда-то: «если бы я захотел разорить какую-нибудь страну, я отдал бы ее в управление философов». Никто не сомневается, что Гамлеты суть философы, и никто не станет спорить, что приложимое к стране приложимо и к части страны, к области или сфере управления. К. П. Победоносцев прекрасно писал и пишет, и уже можно а priori предполагать поэтому, что он вяло действовал или совсем бездействовал в порученной ему «области». И не только бездействовал сам, что было бы еще с полгоря, но он всегда и всею своею «говорящею фигурою» ложился поперек всякого живого течения воды, всякой инициативы третьих людей, может быть, неспособных так хорошо писать, как он, но хотевших, иногда безумно хотевших что-нибудь сделать, как-нибудь начать действовать.

Он пишет для иностранцев о той меланхолии, которая распространяется от либерализма, демократизма, рационализма и

вообще от разных «измов». Но более всего, думается, навевается меланхолия старостью, и не столько физиологическою, сколько этою духовною, которая враждебна по существу всякому делу, ненавидит каждое движение и шум вокруг себя, и вместе с тем, если она сопровождается умом, не может не чувствовать внутреннего угрызения совести от сознания этой природной, неодолимой и столь все-таки грешной праздности. Давид, столько воевавший и основавший целое царство, писал одушевленные псалмы; напротив, Соломон, загадывавший только мудрые загадки царице Савской, написал меланхолический «Екклезиаст». Труд — это бодрость; безделье — меланхолия. И личная его, К. П. Победоносцева, меланхолия, яркая не только теперь, но и всегда, объясняется поразительным бездельем, в котором он провел время своего «духовного» и государственного управления и влияния, почти так же долгого, как Соломоново царствование. Напротив, «сожалеемые» им демократии и свободные страны, как Англия, Германия, Франция, вовсе не так безнадежны в смысле состояния духа, как это ему представляется под давлением субъективных иллюзий.

Но есть меланхолия личная, и до нее мало кому есть дела; и есть меланхолия целых стран, или вот «департаментов», в которой мы доискиваемся вины и виновных. Голос целой России, и уже много лет, указывает на фигуру нашего «правительствующего Гамлета», печатавшего изящные книжки на великолепной бумаге в Синодальной типографии, как на самого главного виновника не только надуманной меланхолии, но и настоящей грусти, а наконец и реально — грустных дел, пережитых нашею родиною. Он со своим «быть или не быть» и монологами à la «бедный Йорик» вечно ложился «поперек» всякого движения, имевшего намерением убрать самый очевидный навоз из-под носа. Кто не помнит, в начале царствования императора Александра III, инцидента с командующим чуть ли не военным округом, помнится — Барклай-де-Толли, который вынужден был оставить службу оттого, что, женатый на православной и сам будучи лютеранином, крестил детей своих в лютеранство же, вероятно, не без согласия их матери, русской? Пусть оба родителя решили веру ребенка: ее перерешило духовное ведомство, во главе с Конст. Петр., который с жадным досмотром заходил в спальни и склонялся над детскими колыбелями. Может быть, Россия и приобрела лишнюю православную душу, лишнего «прихожанина нашего прихода» и плательщика «за наши требы»; но сколько потеряла Россия, когда ее общество с грустью и вся Европа с негодованием увидела это сухое чиновничество, вторгающееся в

домы и допрашивающее каждого: «как ты веришь?» Теперь Конст. Петр. пишет, что «свобода и парламентаризм не способны разрешить глубочайших проблем» более или менее гамлетовского происхождения и характера, равно, что «интеллектуальный прогресс народов недостаточен для того, чтобы обеспечить их счастье». Разного излишнего «счастья» и более или менее экзотических «проблем», какими, напр., наполнен «Московский Сборник», они, может быть, и не дают и не разрешают, да и не до этого занятым людям; но вот эти «жалкие приобретения» цивилизации могут предупредить вторжение полиции, хотя бы и духовной, в мою спальню и, словом, обеспечить покой и хотя бы какое-нибудь удобство личного существования. Об «этих пустяках» Конст. Петр. не беспокоится, потому что он их всегда имел, а мы беспокоимся, потому что этого не имели и не имеем. Известно, что Гамлет был принц, и что до «демократии и парламентаризма» сановники государства чувствовали себя «как принцы»; их праздное «быть или не быть» и «бедный Йорик» объясняются больше всего чрезвычайным удобством кресел, без гвоздей и шипов, на которых они сидели. Но что же за дело нам до этого и до неразрешимых «проблем» «Московского Сборника», на такой хорошей бумаге, когда у нас спины изодраны, кошельки обобраны, вера не своя... И за такие благодеяния нас еще приглашают читать книжки на веленовой бумаге и благодарить авторов за доставленное удовольствие! Похоже больше на Нерона и его рабов, чем на братьев и братство «в Иисусе», которое нам преподносится из «Победы победившей мир — К. П. Победоносцева» (какое заглавие! и такое сочетание с фамилией автора!).

Парламентаризм и тому подобные «ненужные вещи» существуют не для того, как учит К. П. П., чтобы «рассеивать безнадежный пессимизм» и вообще изображать для меланхоликов «игру на арфе Давида», которая, как известно, должна была разогнать и не разогнала тоску Саула; парламентаризм имеет более простые и совершенно достижимые и необычайно нужные задачи: например, спросить, как израсходованы были такие-то деньги? или отчего такой-то сановник, получающий такое-то жалованье, произносит монологи над черепом Йорика, а например не преобразует и не очищает заведомую, доказанную и для всех очевидную гадость подведомственных ему духовных консисторий? Почему, вторгаясь в неподчиненную и не отданную ему «под надзор» учебную область, он изгоняет оттуда земство и соседнее министерство, и сейчас же на месте этого чужого труда водворяет свое еkkлeзиастическое: «суета сует, ученье не нужно!», а вовсе не какую-нибудь положительную и свежую работу,

к каковой по качеству своей гамлетовской природы от рождения и вообще никак и абсолютно не способен?! Без конституции обо всем этом и спросить невозможно, а ведь это — мы, русские, это наша дорогая Россия, гниющая в зловонии, и спросить-то куда как надо, да и куда как мы в праве. «Не спрашивайте! Читайте *Московский Сборник!* Никакой другой науки не надо! Иначе заразитесь пессимизмом». Слишком по-Нероновски. У нас не пессимизм, а настоящая горе. Хлеба нет, денег нет, заработков нет. Кстати о Нероне: ведь и тот любил музыку, читал «Илиаду» и вообще был художник. Художественные натуры удивительно бывают склонны к жестокости. В этом смысле о Гамлете говорит и Тургенев.

Бедная Офелия, т. е. бедная Россия! Она все тонула и тонула не в прекрасной реке, а в зловонном болоте, пока «принцы», заведывавшие судьбой ее, печатали хорошие книжки на хорошей бумаге, и иногда пописывали «даже для иностранцев».

А Конст. Петр. пишет: «Мы видим, что большинство культурных наций впало в бессознательный пессимизм — истинное следствие крайностей культуры. Разуверившиеся, распустившиеся, обессиленные мужчины и женщины в конце концов отказываются от всех высших духовных стремлений, придавая цену только тому, что действует на чувства и что приносит положительную материальную выгоду и пользу. Большинство этих жертв новой культуры страдает от особой духовной неврастении и полным отсутствием идей».

Да, изнежилась Россия. Лежит на розах. Когда министр о ней так страдал!

